

Глава 8

[У-у-у, что за прекрасная история любви, я сейчас умру от слёз! Вся страна Хуаго помнит, какой ужасной была та катастрофа, и никто не остался равнодушным! Теперь понятно, насколько важен и особенен Киноимператор для директора Лу! Это нельзя оскорбить какой-то там двусмысленной фразой о покровительстве!]

[И пусть кто-нибудь ещё посмеет сомневаться в их отношениях! Это же спасение жизни! Любой, увидев, как его спасителя топчут в грязи, бросился бы на помощь!]

[Так что директор Лу решил отплатить натурой, да? (собачья морда)]

[Тут и говорить нечего, я бы на его месте тоже так поступил! Ведь это же «Предок, белый лунный свет»! Кто бы устоял?]

[Директор Лу действительно прошёл через многое, чтобы достичь своего положения. Даже от этих нескольких слов у меня сердце сжимается. Ему тогда было всего семнадцать, ещё ребёнок! Можно сказать лишь одно: всё, что у него есть сейчас, он действительно заслужил!]

Лу Хуайцинъ никогда не жаловался на трудности, но и не воспевал их. Он приподнял бровь, и в его звёздных глазах сияли уверенность и спокойствие — это была его собственная церемония награждения.

— Та катастрофа хоть и чуть не лишила меня жизни, но преподала мне урок, который я запомнил навсегда.

Вэнь Инхэ не удержался и поцеловал Лу Хуайциню в приподнятую бровь. Это движение было таким естественным, словно он делал это уже тысячи раз.

— И что же это за урок?

Резкие черты лица Лу Хуайциню мгновенно смягчились под прикосновением губ возлюбленного, но в его улыбке мелькнул острый блеск, а в глазах отразился холодный, выстраданный опыт.

— С тех пор я понял, что политика умиротворения работает только при наличии абсолютной военной мощи. Без абсолютной силы о каком умиротворении может идти речь? Для руководителя заискивание и проявление слабости — самое глупое поведение. Это не заставит людей подчиняться, а лишь сделает их ещё более наглыми. Только после пощёчины предложенный пряник заставит человека быть благодарным и запомнится надолго.

Тяжесть камня, давящего на грудь, может ощутить лишь тот, кто его несёт. Другие видят лишь дрожание твоих ресниц, но не слышат крика души.

Вэнь Иньхэ, возможно, никогда не сможет в полной мере прочувствовать страдания прошлого Лу Хуайцзиня, но и его собственный путь не был усыпан розами. Пройдя через свои тернии, он, хоть и другой дорогой, пришёл к тому же финалу, что и Лу Хуайцзинь.

Лу Хуайцзинь нечасто говорил о прошлом, но каждый раз, когда он приоткрывал завесу тайны, Вэнь Иньхэ испытывал невыносимую боль.

Он не удержался и снова поцеловал Лу Хуайцзиня в уголок губ.

Лу Хуайцзинь с улыбкой посмотрел на него. В его взгляде читались лишь снисходительность и нежность к возлюбленному, без единого намёка на тени прошлого.

— Что такое?

— Мне больно за тебя, — прямо сказал Вэнь Иньхэ.

И снова поцеловал.

Лёгкое, как прикосновение крыльев бабочки, касание, но оно заставило обычно прямолинейного Лу Хуайцзиня внезапно покраснеть.

Его ресницы дрогнули. Он, казалось, очень смутился, но улыбка, вопреки его воле, словно рябь на воде, разошлась от поцелованных губ до самых глаз.

Он не удержался и почесал подбородок Вэнь Иньхэ, словно пытаясь вернуть себе самообладание, и, тихо хмыкнув, пробормотал:

— Целуй.

[А-а-а-а, великий день! Приветствуем первый поцелуй второго сезона на камеру! (Пилотный выпуск и поцелуй через тарелку не в счёт, мы ничего не видели!)]

[Ха-ха-ха-ха, на этот раз тарелки нет, чтобы мешать, да? Так что давайте, не стесняйтесь, языки в дело!!!]

[Объявляю! Румянец — лучшее приданое для мужчины! Ха-ха-ха, в этом мире только Киноимператор может заставить директора Лу покраснеть! Кому от этого хорошо? Мне от этого хорошо!]

[Ой-ой~ кому это тут за тридцать, а он всё целуется со своим любимым? Я не скажу~]

[Директор Лу в восторге, его улыбка до ушей хоть сейчас планету подпирай~~~ Но не думал, что ему нравятся такие невинные, хотя, если подумать о характере Киноимператора, всё сходится. Неудивительно, что он так околдовал директора Лу, хе-хе-хе. В невинности нашему предку нет равных!]

[Да-да, именно так! Прямо в губы! Хотя немного промахнулся, но ничего! В следующий раз, пожалуйста, цельтесь прямо в центр губ директора Лу! Спасибо, спасибо! Огромное спасибо! (складываю руки в молитве)]

[Пользователи: Я просто хочу увидеть, как моя любимая пара целуется, почему это так сложно? Есть подозрение, что Киноимператор — тот ещё соблазнитель (?)]

[Кстати о соблазнителях, разве директор Лу не настоящий мастер? Не забывайте, из-за кого наш нежный бог не удержался и полез целоваться на публике! (закрываю лицо руками и убегаю)]

[Хорошо, я понял, кого просить о поцелуях. Директор Лу, вперёд! Соблазняй дальше! Изю всех сил! Директор Лу, я в тебя верю!!!]

Сяо Е, уже переживший один шок за завтраком, на этот раз выглядел более спокойным.

Две другие пары, не видевшие раньше, как общаются Вэнь Иньхэ и Лу Хуайцзинь, были несколько удивлены.

Они, как и все в интернете, думали, что у директора Лу и Киноимператора отношения по расчёту, и даже если нет, то Киноимператор должен был быть тем, кто вкладывается в них больше. Но сейчас, глядя на них, казалось, что Киноимператор прекрасно умеет управлять мужчинами.

Ду Жопу, который с самого начала шоу был практически невидимкой, неожиданно проявил интерес к истории любви Вэнь Иньхэ и Лу Хуайцзиня и робко, осторожно спросил:

— Директор Лу, так вы влюбились в Киноимператора с первого взгляда?

Услышав это, Лу Хуайцзинь бросил на Вэнь Иньхэ странный, многозначительный взгляд и, слегка улыбнувшись, молча согласился.

Пусть все в интернете так и думают.

Тогда их скоропалительный брак получит разумное объяснение.

Ведь он был тайно влюблён в Вэнь Иньхэ с семнадцати лет.

Встретив многозначительный и насмешливый взгляд Лу Хуайцзиня, Вэнь Иньхэ почувствовал, как дрогнули его ресницы, но на губах появилась неудержимая улыбка, полная принятия и лёгкой беспомощности.

Он, конечно, понимал, на что намекает Хуайцзинь, обращаясь к зрителям, но в то же время прекрасно знал, что всё было не так.

Сильный и гордый директор Лу был неспособен на такие сентиментальные вещи, как тайная влюблённость.

Поэтому до той ночи, когда их пути официально пересеклись, директор Лу действительно видел в нём лишь своего спасителя.

Так когда же это чувство переросло во что-то иное?

Однажды из любопытства он спросил Хуайцзиня, когда тот в него влюбился.

Хуайцзинь, злодей, мучил его целый вечер, используя это как предлог, чтобы заставить его делать множество постыдных вещей, и лишь когда его терпение лопнуло и он «взбунтовался», тот, сгорая от смущения, выложил правду.

Хуайцзинь сказал, что по-настоящему влюбился в него в тот миг, когда он, словно тёмная, безжизненная тень, одиноко сидел на краю моста, обдуваемый холодным ветром, и с пустым, мёртвым взглядом обернулся к нему.

Именно этот взгляд, полный решимости умереть, зажгёт в нём желание забрать его домой.

В тот момент Лу Хуайцзинь был уверен, что нашёл того, кто сможет полностью, телом и душой, принадлежать только ему.

Спустя семь лет Вэнь Иньхэ всё ещё отчётливо помнил ту ночь: каждое едва заметное изменение в выражении лица Лу Хуайцзиня, каждое сказанное им слово и... каждый его глубокий, обжигающий взгляд.

Перед человеком, собиравшимся покончить с собой, элегантный директор Лу не выказывал ни малейшего беспокойства или тревоги.

Он лениво опёрся на перила в пяти метрах от Вэнь Иньхэ, большим пальцем щёлкнул зажигалкой и прикурил сигарету.

Голубоватый дым медленно и беззвучно вился в ночной тьме, а затем, распадаясь на тонкие струйки, рассеивался.

Лу Хуайцзинь слегка запрокинул голову и, прищурившись, сквозь дым свысока разглядывал красивого, но сломленного мужчину.

Словно оценивал стоимость бесценного сокровища.

Вэнь Иньхэ сидел на перилах моста, опустив голову. Длинная чёлка скрывала красивые брови. Его фигура казалась такой хрупкой, словно обломок старой колонны, разъедаемой временем.

До него донёлся хриплый, прокуренный голос незнакомца:

— Я говорю, хочешь пойти со мной домой?

Ветер с реки дул пронзительно, трепля полы его одежды. Вода внизу была чёрной, как пасть чудовища, жадно поглощавшая пёстрые отражения города и блики света. Она обладала необъяснимой притягательностью.

Это было безмолвное приглашение.

— В чей дом? — спросил он.

Лу Хуайцзинь глубоко затянулся и медленно выдохнул дым в сторону Вэнь Иньхэ. Его голос стал ещё более хриплым и грубым, словно песок и пепел, царапавшие слух.

— В наш дом.

Вэнь Иньхэ не удержался и рассмеялся.

Дядя и тётя, которых он уважал больше десяти лет, отвернулись от него. Старший брат-ученик, которого он считал родным, предал его. Учитель, которого он почитал больше всего на свете, бросил его.

И теперь, в тот момент, когда он был готов умереть, какой-то незнакомец вдруг подходит к нему и предлагает пойти с ним домой?

Абсурдно до смеха.

В этот момент Лу Хуайцзинь внезапно потушил сигарету.

Словно окончательно оценив стоимость мужчины или, возможно, потеряв терпение, он выпрямился и, подойдя к Вэнь Иньхэ, спокойно и на равных посмотрел ему в глаза.

Глаза мужчины были темнее ночи, но в то же время ярче одинокой звезды в холодном небе. Каждую секунду, что он смотрел на Вэнь Иньхэ, он словно плёл невидимую клетку, от которой становилось трудно дышать.

— Я не шучу, Вэнь Иньхэ. Я спрашиваю только один раз: ты сейчас же прыгаешь кормить рыб или послушно идёшь со мной домой?

Эти слова, властные и не терпящие возражений, из уст этого утончённого и гордого мужчины звучали на удивление естественно.

Он стоял, слегка приподняв подбородок, уверенный и спокойный, и элегантно протягивал ему руку. В его прищуренных глазах читалось нетерпение, словно он был абсолютно уверен, что тот не откажется.

Домой... да?

Разве у него ещё был дом?

Вэнь Иньхэ устремил свой тёмный взгляд на эту бледную, худую руку. Словно поддавшись какому-то наваждению или ухватившись за последнюю соломинку перед смертью, он осторожно положил свою почти замёрзшую руку на неё.

Ему было нечего терять. Что с того, если он сам попадётся в ловушку?

Мужчина не удержался и улыбнулся, решительно сжав его пальцы, словно запирая их обоим на замок.

Только тогда Вэнь Иньхэ внезапно осознал, что в клетке был не только он, но и сам мужчина.

Этот человек использовал себя как приманку, чтобы заманить его.

— Подумай хорошенько. Если пойдёшь со мной, то уже никогда не сможешь уйти.

Хотя слова звучали так, мужчина сжимал руку Вэнь Иньхэ с такой силой, что, казалось, вот-вот раздробит им обоим кости, не оставляя ни малейшего шанса на отступление.

Он поднял их сцепленные руки. Его длинные ресницы опустились под холодным, безжизненным взглядом Вэнь Иньхэ. Тёплый, щекочущий ветерок коснулся бледной, ледяной

кожи на тыльной стороне его ладони, едва не обжигая.

Поцелуй — лёгкий и торжественный, как роса на кончике травинки, словно торжественный, почти священный ритуал поклонения.

Закончив, мужчина поднял голову и снова встретился взглядом с Вэнь Иньхэ.

На его губах играла довольная улыбка, как у ребёнка, получившего самый дорогой в мире подарок.

Искренняя до умиления и одержимая до ужаса.

— С этого момента мы — семья. Мы есть друг у друга, и нам больше не на кого положиться. Если ты не уйдёшь от меня, я никогда тебя не предаю. Я буду беречь наш дом.

Да... разве это не любовь с первого взгляда?

Хуайцзинь не солгал.

Просто сам процесс был несколько за гранью понимания обычных людей, так что об этом посторонним знать не обязательно.

<http://bllate.org/book/13414/1193975>